

Если выживешь — состоишься

Ваша газета, - обл. - 3 стр. - 5 стр. - с. 11

Портрет нестоличного тележурналиста

Ее вечно несет туда, где опаснее всего. Она — как у Некрасова — «в горящую избу войдет». Темперамент прекрасно уживается в ее характере с деликатностью; не ее вина, что избу продолжают польховать и приходится опять кого-то выгаскивать из пламени.

«Моя цель — коррупционер обязан уйти с работы. Тем более из милиции, прокуратуры, суда». Свое юридическое образование красноярская журналистка Марина Добровольская скрепстила с телевидением, потому что ей стало неинтересно делать обычные репортажи.

На телевидении Марина с восьми лет. Выиграла конкурс и вела передачу «Тропинка школьная моя», а по мере взросления ведущую передавали как переходящий вымпел в другие программы. Училась в Красноярском университете, делала сюжеты в молодежной редакции.

Закончила юрфак с отличием. По распределению попала в Якутию, туда, где стоит стела «Полюс холода», и проработала там пять лет.

— Я спала на скамье подсудимых — жить было негде. На ночь раскатывала матрасик, утром убирала. Постоянно общалась с людьми, больными открытой формой туберкулеза. Зараждалась национальные недовольства русскими, и доводы нередко приводили с помощью ножа. У меня начался жуткий авитаминоз, в 22 года потеряла все зубы. Но понимала — если сейчас сламса, уеду — буду сдаваться всю жизнь. А если выживу — состоюсь. Эта глубокая дыра для меня оказалась важнее и в работе, и в жизни, чем самое счастливое распределение. Великолепная практика — ты и адвокат, и консультант, на тебе дела гражданские, трудовые, уголовные... Процессы шли на якутском, так что я со страху учила язык.

Марина выиграла ряд интересных, казалось бы, совершенно провальных дел. А вернувшись в Красноярск, обнаружила, что знакомая с детства телевизионная тропинка сильно разветвилась. Попробовала работать и на государственном, и на частном телевидении. Ее еженедельной авторской программе «Будни» на канале ТВК-6 уже семь лет.

Это программы о тех, за кого некому вступиться.

О стариках, с которых в судах тянут взятки, о бывших детдомовцах, лишившихся законных квадратных метров, о тех, кого притесняет милиция, и наоборот, о молодом милиционере-

сержанте, задержавшем агрессивного пьяного мужика, оказавшегося прокурором. Мстительный прокурор добился, чтобы неправый суд посадил парня.

Почти все ситуации в Марининой программе — запредельные. Но начинаются банально — приходит человек и рассказывает свою историю.

— Первая реакция — не могу поверить, что прокурор предложила матери: дайте пять тысяч рублей, и мы вашего несовершеннолетнего сына отпустим. Я семь месяцев копала. Если прокурор домогается денег — это не может быть единичным случаем. Воровство — маниакальное состояние. Своровавши раз — воруеть постоянно. Прокурор обо мне уже знала, когда я к ней пришла. Но если у меня собраны документы, я всегда встречаюсь с антигероем и говорю, что пришла по неприятному поводу: делаю программу, где вы — одно из действующих лиц, и я хотела бы узнать вашу точку зрения. Кто-то меня выгоняет. У кого-то вообще всегда двери закрыты. Но я буду ходить неделю, чтобы он потом не сказал: а как же статья 49 закона о СМИ — об объективности информации? Так вот, пришла к прокурору, а она выставила вон оператора. Схватила мою сумку и стала в ней рыться — искать диктофон.

— А почему вы ей позволили?

— Да я обалдела. Я, которая в принципе ко всему привыкла... Такое было оцепенение. Сидела перед ней, как кролик перед удавом...

— Но вам все же удалось каким-то образом записать на пленку ваш разговор?

— Разумеется... Если бы я эту встречу не записала, программа была бы потеряна. У меня есть свои секреты, так что обыскивай не обыскивай... Тут опять же вопрос и об этических нормах. Закон обязывает журналиста предупредить о цели визита, но тот же закон обязывает и госслужащих нас принимать. Если же меня выгоняют или навязывают свою игру, то я играю уже по их правилам. Вынуждена так поступать. И все равно всегда выйду из положения.

После выхода «Будней» детдомовец получил квартиру. Сержант вышел из тюрьмы. Мздоимцы были вынуждены уйти с работы хотя бы «по собственному желанию», а убийца, отпущенный следователем, потерявшим по пьянке материалы дела, получил срок.

Программа выходит раз в неделю, а на вто-

Марина Добровольская

рую неделю к теме возвращаются в прямом эфире — подключается интерактив, приглашают стороны, принимавшие участие в сюжете, чтобы узнать, что переменялось, чем закончилось.

Суды и милиция — плохие помощники Марине, ей ставят палки в колеса, документы, которые другому выдали бы легко, ей приходится добывать мытьем и катаньем.

— На меня постоянно подают в суд. В этом жанре работают либо фанатики, либо идиоты.

— И кто же, простите, вы?

— Фанатичная идиотка. Я всегда спрашиваю — почему это должна делать я? Почему я должна искать убийц, а вы этого не делаете? Мне не отвечают. Про угрозы мне говорить не хочется, стараюсь на это просто не обращать внимания, потому что если серьезно о них думать, то станешь бояться. А боишься — значит, надо уйти из профессии. Говорю откровенно — будучи юристом я не могла бы принести столько пользы. Именно с помощью телевидения и именно в жанре журналистского расследования я добиваюсь того, чего хочу.

Перевалив в третье тысячелетие, мы счастливее не стали. Но пока живем, надо все же справляться с выпавшей нам судьбой. Журналистка из Красноярска живет и работает не для того, чтобы построить на земле рай, а чтобы предостеречь в нашем мире ад.

Марина ТОПАЗ